

КВАНТИТАТИВНОСТЬ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ*

О.В. Лазарева, Ли Сэвум

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена вопросам представления грамматической категории количества в лингвистике через сопоставление грамматических способов с точки зрения выражаемого значения в русском и корейском языках. В статье рассмотрено явление нейтрализации форм числа.

Ключевые слова: квантитативность, категория числа, грамматическая категория, количественность, редупликация, классификатор.

В трудах последователей сравнительно-исторического языкознания грамматические формы родственных языков анализировались с точки зрения их происхождения и исторического развития. Однако «рассматривались только способы образования форм, а именно, их фонетическая и морфологическая структуры. Грамматическое значение не являлось специальным предметом сравнения» [1. С. 85].

Проблема сопоставления грамматических форм родственных и неродственных языков не с точки зрения способа образования формы, а в аспекте выражаемого значения впервые была рассмотрена в научных трудах американского лингвиста Э. Сепира, который предлагает «...вникнуть в природу мира значений в той мере, в какой этот мир отражается и систематизируется в языковой структуре» [2. С. 86].

Известно, что грамматические категории подразделяются на синтаксические и морфологические. К морфологическим относятся грамматические категории вида, залога, времени, падежа, наклонения, рода, числа. Во флективных языках различаются *словоизменяемые* категории, когда члены грамматической категории могут быть представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы: в русском языке — это, например, время, наклонение, лицо глагола; число и падеж имени и др.) и *несловоизменяемые*, в которых члены грамматической категории не могут быть представлены формами одного и того же слова, например, в русском языке — это род и одушевленность/неодушевленность существительного).

Различные языки мира отличаются друг от друга «по количеству и составу грамматических категорий, по количеству противопоставляемых членов в рамках одной и той же категории и по тому, какие части речи обладают той или иной категорией» [6. С. 12]. Так, А. Сайс писал: «Установление разнообразия является целью каждого исследователя. За бесконечным разнообразием, которое мы наблюдаем повсюду, лежит скрытое единообразие. Мы должны подводить изолирован-

* Рец. проф. О.С. Чеснокова (РУДН), доц. Т.В. Василева (МАРХИ (У)).

ные явления под общие закономерности, должны обнаруживать в них сходство и порядок».

Это мнение поддержано и другими лингвистами, Рауль де ла Грассен утверждал, что абсолютно специфических явлений в языках нет, то, что в одном языке является развитым, в другом языке находится в зародышевом состоянии [4. С. 9].

Идея выражения количества в языке может быть представлена несколькими способами. Большинство языков мира имеет грамматическую категорию числа, выражающуюся двучленной оппозицией единственного и множественного числа. Ряд языков наравне с единственным и множественным числом, как правило, для ограниченного круга слов, выделяет двойственное и тройственное число.

В настоящее время известно, что во многих языках двойственное число утрачено (русский язык), либо оно сохраняется в них только пережиточно (словенский язык), хотя исторически двойственное число существовало во всех индоевропейских языках. В русском языке фиксируются остатки форм двойственного числа, например: *глаза, рукава, берега* и др.

Достаточно редким явлением считается тройственное число имен существительных, которое отмечается в некоторых меланезийских и папуасских языках.

Дж. Гринберг отмечает, что есть определенная закономерность в соотношении форм единственного, двойственного, тройственного и множественного числа, которую он формулирует в следующем виде: «Нет языка, который, обладая тройственным числом, не имел бы двойственного. Нет языка, который, имея двойственное число, не имел бы множественного» [3. С. 139].

Среди основных категориальных значений имен существительных можно выделить *единичность* (один предмет) и *множественность*, (больше, чем один предмет). В языках, где категория числа обладает двойственным/тройственным числом, следует выделять категориальное значение *двоичности/троичности*. Существительное может иметь значение *собирательного множества* (в русском языке выражается с помощью словообразовательных суффиксов или содержится в лексическом значении слова). Существуют языки, в которых не выделяют грамматической категории числа, но имеют лексические или специфические грамматические средства выражения значения *множественности*. Таким образом, категория грамматического числа не является универсальной.

В русском языке идея выражения количественности опирается на грамматическую категорию числа, в первую очередь имен существительных, и на имена числительные.

Существительные русского языка с точки зрения противопоставления называемых предметов по *единичности/множественности* делятся на *исчисляемые* (*дом — дома, сани, брюки, пальто, кенгуру*) и *неисчисляемые* — *вещественные* (*молоко, сливки, дрова*), *собирательные* (*студенчество, деньги*), *абстрактные* (*красота, хлопоты*), *собственные наименования* (*Сеул, Сочи*), у которых число — это не свойство объектов, а только характеристика словоформы.

Существительные могут различаться по семантике форм морфологического числа, образуя различные оппозиции: 1) формы единственного и множественного числа не различаются по лексическому значению (*стол — столы*), 2) формы единственного и множественного числа по значению не совпадают: *вино — вина, мас-*

ло — *масла́, вода — воды́*; отвлеченные существительные, которые во множественном числе называют проявления различных качеств (*красота — красóты*), существительные *singularia tantum* (*земляника, скука, жар, студенчество*); *pluralia tantum* (*брюки, финансы*). Семантика морфологического числа может быть представленной основным и вторичным значением.

В русском языке имеются *счетные* существительные (*дюжина яиц*), которые выступают в функции, близкой к функции *счетных* слов.

Грамматическая категория числа русских имен существительных представляет собой систему двух противопоставленных рядов форм единственного и множественного числа. Каждая форма имени существительного непременно относится либо к единственному, либо ко множественному числу: «Морфологические значения единственного и множественного числа отражают внеязыковые различия единичности и неединичности называемых существительными предметов» [8. С. 471].

Категория *количество*, как междисциплинарная (философская, логическая, математическая и т.д.), представлена многообразием терминов: *квантитативность* (синоним *количественности*) — языковая (семантическая) категория, лингвистический термин. В других науках: в философии и логике — *количество*, а в математике — *число, величина*.

Как понятийная категория, выражающаяся средствами языка, *количество* изучается в лингвистике. В 60-е гг. XX в. А.А. Реформатский указывал, что язык, отражая мышление, включает и достижение ума человека — число: «без числа немислима не только любая наука, но и любое знание, любое отношение к жизни» [7. С. 385].

Связь терминов, обозначающих понятие *количества*, представлена на рис. 1 [6. С. 24].

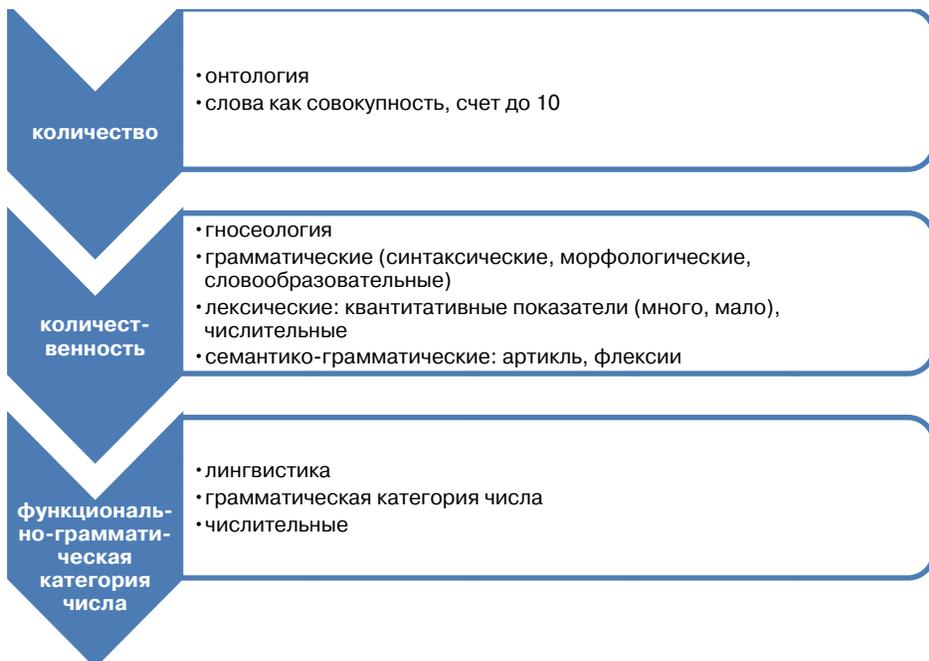

Рис. 1. Количество, количественность и грамматическая категория числа

В корейском языке идея количественности также выражается посредством имен существительных и имен числительных. В корейском языке нет противопоставления двух форм — формы единственного и формы множественного числа, маркированных особым окончанием; выражение идеи множественности происходит путем прибавления суффикса множественного числа - ㅁ [–тыл], или через указания классификатором, или путем редупликации.

Имя существительное корейского языка имеет развитую систему падежного словоизменения, которое осуществляется агглютинативным способом — путем прибавления падежных клитик к неизменяемой основе слова, равной начальной форме. Основа существительного в корейском языке не выражает ни единичности, ни множественности. Так, слово *사람* [сарам] означает и ‘человек’, и ‘люди’, слово *나무* [наму] ‘дерево’ и ‘деревья’. Однако значение множественности может быть выражено специально: присоединением к основе суффикса ㅁ [–тыл], например:

집 [чип] ‘дом’ — 집 ㅁ [чип-тыль] ‘дома’
 새 [сэ] ‘птица’ — 새 ㅁ [сэ-тыль] ‘птицы’.
 사람 [сарам] ‘человек’ — 사람 ㅁ [сарам-тыл] ‘люди’,
 집 [чип] ‘дом’ — 집 ㅁ [чип-тыл] ‘дома’.

Необходимо отметить, если уже есть указание, что предметов несколько, допустим, с помощью слов *여러* [йёрё] ‘несколько’ или *많이* [мани] ‘много’, а также если указано точное число предметов, например *두 학생* [ту хаксэнъ] ‘два ученика’, то окончание множественного числа обычно опускается, ведь и так ясно, что предмет не один. Например:

아이 [ай] ‘ребенок’ — 아이 ㅁ [айдиль] ‘дети’,
 사과 [сага] ‘яблоко’ — 사과 ㅁ [сагадиль] ‘яблоки’,
 책이 많 습니다. [чеги мансымнида] ‘книг много’,
 연필이 많 습니다. [ёнфильи мансымнида] ‘карандашей много’.

При отсутствии суффикса множественного числа количественная характеристика может определяться в предложении числительным или каким-либо другим словом, например:

다섯 사람이 왔다. [тасот сарам-и ва-т-та] ‘пришли пять человек’,
 사람이 많 습니다. [сарам-и ман-сымни-да] ‘народу (людей) много’,
 많은 사람이 왔다. [манын сарам-и ва-т-та] ‘пришли многие (люди)’.

Суффикс ㅁ [–тыл] может употребляться и с именами, которые обозначают несчитаемые предметы и явления. В таком случае он имеет собирательное значение, например, после двух или нескольких собственных имен и т.п. Употребление этого суффикса в качестве заместителя субъекта действия (ср., например: *잘 ㅁ 봤 습니까?* [чал-дыл ва-с-сымни-кка?] ‘Благополучно ли вы доехали?’, *공부 ㅁ 잘 합 습니까?* [конъбу-дыл чал ха-мни-кка?] ‘Хорошо ли вы учитесь?’) следует, по-видимому, рассматривать как пережиточное явление.

Также для выражения идеи множественности в ее раздельности может использоваться грамматическая модель редупликации: [чип чип] ‘каждый их домов’,

[сэк сэк] ‘каждый из цветов, все цвета’, [тадал] из [тал дал] ‘каждый месяц, ежемесячно’. В настоящее время большинство таких слов используются как наречия [5. С. 57].

На фоне сложной системы классификаторов разительный контраст представляет отсутствие в корейском языке грамматической категории числа. Это означает, что понятия единичности и множественности не отражаются ни в морфологии имен существительных, ни в морфологии других классов слов. Возьмем для примера две фразы:

1) 사과를 한 개 먹었다. [саква-рыл хан кэ мокоस्ता] ‘я съел одно яблоко’

и

2) 사과를 다섯 개 먹었다. [саква-рыл тасос кэ мокоस्ता] ‘я съел пять яблок’.

В обеих фразах форма слова ‘яблоко/яблоки’ остается неизменной. Напомним, в корейском языке есть суффикс множества 들 [-тыл], но он используется лишь в особых случаях. Так, в предложении *무슨 책을 그렇게 많이 샀니?* [мусын чхэк-ыл кырокхэ манхи сассни?] ‘зачем ты купил так много книг?’ значение «книги» выражено словом 책 [чхэк] ‘книга’, а не 책들 [чхэк-тыл] ‘книги’. К тому же подлежащее в одном из возможных вариантов (책 [чхэк] ‘книга’, 책들 [чхэк-тыл] ‘книги’) никак не сказывается на форме сказуемого.

Одной из структурных особенностей корейского языка является использование так называемых классификаторов, т.е. таких зависимых номинаций, которые используются при счете предметов.

Классификатор употребляется в предложении в сочетании со словом, называющим число исчисляемых предметов.

Выбор классификатора определяется типом исчисляемых предметов. Например, можно сказать *군인 다섯 명* [кунин тасос мионь] ‘пять солдат’ (‘солдат’ + ‘пять’ + ‘человек’), но нельзя сказать *군인 다섯 개* [кунин тасос кэ] ‘пять штук солдат’ или *군인 다섯 마리* [кунин тасос мари] ‘пять голов солдат’, потому что классификатор *마리* [мари] при подсчете животных — это ‘голова’. Можно сказать *연필 다섯 자루* [йонпхил тасос чару] ‘пять карандашей’ (‘карандаш’ + ‘пять’ + ‘предмет с ручкой, рукояткой’), но нельзя сказать *지우개 다섯 자루* [чиугэ тасос чару] ‘пять ластиков’ (потому что у ластиков нет ручки) и *필통 다섯 자루* [пхилтхонь тасос чару] ‘пять пеналов’ (по той же причине).

Наиболее частым указанием на не-единичность имени служат числительные, которые сочетаются с именами. В таком случае суффикс множественного числа к существительному не присоединяется.

Числительные корейского языка образуют хорошо представленную лексическую систему, классифицируются по происхождению на исконно корейские и китайские. В зависимости от происхождения количественного числительного выбирается суффикс для образования порядкового числительного. Небольшие количества предметов считаются обычно корейскими числительными (исконно-корейские числительные), а если предметов больше сотни, то счет ведется китайскими числительными (сино-корейские). При этом в единицах времени при счете часов используются корейские цифры, а при счете минут — китайско-корейские.

Также наблюдается связь между употреблением исконных и заимствованных числительных с происхождением имени существительного, с которым числительное сочетается: «чисто корейские числительные употребляются в сочетании с исконно корейскими именами существительными, с китайскими же именами существительными употребляются китайские числительные» [5. С. 78].

Некоторые корейские имена числительные имеют две формы: одна употребляется в значении имени существительного и может склоняться, другая — в значении атрибута и остается неизменяемой, т.к. имена прилагательные корейского языка не склоняются.

Таким образом, сопоставляя семантику квантитативности современных литературных русского и корейского языков, принадлежащих к разным языковым семьям и имеющих разные типологические характеристики, можно сделать некоторые обобщения. Потребность языковыми средствами выразить *единичность* или *не-единичность универсальна*, и каждый язык имеет лингвистические средства выражения квантитативности. Общей чертой сопоставляемых языков является связанность выражения значений квантитативности в языке с именами существительными и числительными.

Русский язык, как язык, принадлежащий к индоевропейской семье, имеет грамматически выраженное противопоставление форм единственного и множественного числа имен существительных; в современном русском литературном языке можно найти остатки утратившихся в историческом развитии форм двойственного числа; отдельные имена фиксируют закрепленное в процессе лексикализации уменьшение количества форм лица; выделяется ряд групп имен *pluralia et singularia tantum*.

Все эти черты имени русского языка не находят выражения в корейском языке, который, напротив, не обладает морфологическим выражением единственного/множественного числа, т.к. идею единичности отражает начальная форма имени в любом падеже, а идею множественности имени выражает суффикс, или редупликативный комплекс, или классификатор, при этом указанные способы не дублируются.

В сопоставляемых языках выделяется группа количественных числительных, порядковых числительных и группа слов, имеющих черты числительного и имени существительного одновременно: сравним русское *тысяча*, *миллион* и способность корейских *천* 'тысяча' *백만* 'миллион' выступать в роли существительного, т.е. иметь падежные формы.

Для образования корейского порядкового числительного важно знать происхождение мотивирующего количественного числительного: от исконных корейских числительных порядковые образуются с помощью окончания *ㅁ* [ччэ], от китайского по происхождению — с помощью приставки *ㅁ* [че].

Русские и корейские порядковые числительные обладают рядом грамматических свойств, общих с именами прилагательными каждого из сопоставляемых языков:

— система склонения русских порядковых слов и прилагательных является единой;

— образование и морфологическая структура русских порядковых слов и прилагательных не различаются;

— корейские порядковые числительные, как и прилагательные, не имеют падежных форм и в предложении принимают атрибутивную функцию.

Типологически отличной от русского языка чертой корейского языка является использование *классификаторов*, которые не только связаны с выражением количественности, но и сообщают имени характеристики счетности (фактически, все существительные в корейском неисчисляемые), возраста, парности, времени и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лазарева О.В.* Нейтрализация форм числа в русском и испанском языках // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2011. — № 3. — С. 85.
- [2] *Сепир Э.* Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993.
- [3] *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. Новое в лингвистике. — V. — М.: Прогресс, 1970.
- [4] *Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.
- [5] *Рамстедт Г.* Грамматика корейского языка. — М.: Издательство иностранной литературы, 1951.
- [6] *Лазарева О.В.* Грамматическая форма и семантика числа в наименованиях одежды и аксессуаров в испанском и русском языках // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». — 2010. — № 2. — С. 12.
- [7] *Реформатский А.А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики (сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова). — М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. — С. 384—400.
- [8] *Русская грамматика* / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1.

QUANTITATIVITY IN THE RUSSIAN AND KOREAN LANGUAGES

O.V. Lazareva, Lee Savum

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article reviewed is devoted to the linguistic representation of the grammatical category of quantity through comparing grammatical techniques applied to express the meaning both in the Russian and Korean languages. There's also observed the neutralization of numeric forms.

Key words: quantitativity, category of number, grammatical category, category of quantitativity, reduplication, classifier.